

АКТ 1
Сцена первая

Наутро Мари выглядела очень бледной и едва могла вымолвить хоть слово. Сто раз она собиралась рассказать матери или Фрицу о том, что случилось, но думала: «Никто мне не поверит, надо мной будут смеяться».

Э. Т. Гофман. «Щелкунчик»

Г Л А В А

1

1906 год

Мать Мариетты Стелл всегда говорила, что дождливый день ничего хорошего не сулит. Тем не менее именно в дождливый день появилось волшебство, а стоит волшебству войти в твою жизнь, и ты навсегда останешься в его сверкающих тисках.

Таинственный новый сосед — которого, как Мариетта позже узнала, звали доктор Дроссельмейер — возвестил появление магии и чудес в ее жизни. Хотя он выглядел совершенно обычным человеком, от него так и веяло волшебством. Оно звучало в его голосе, просачивалось сквозь кожу и лилось из глаз.

Мариетта делала свои плие, приседая и выпрямляясь у балетного станка, когда, случайно взглянув в окно, стала свидетельницей его появления. Черный цилиндр, то появляясь, то исчезая из виду, двигался по мощенной булыжником улице вниз. Человек в плаще нес один-

единственный чемодан, время от времени останавливался и смотрел на длинный особняк, который Мариетта называла своим домом. Мариетте показалось, что он смотрит прямо на нее, и она отступила на шаг от окна, чтобы незаметно рассмотреть его получше: его лицо было гладко выбрито, благодаря светлой коже он выглядел моложе, чем можно было ожидать при виде волны седых волос, ниспадающих из-под шляпы. Морщинки на коже в уголках глаз говорили о том, что этому джентльмену, вероятно, лет тридцать, а пристальный взгляд его ледяных голубых глаз завораживал.

Потоки дождя, заливающего окно Мариетты, его почему-то не задевали, и после секундного колебания он двинулся дальше. Приподнявшись на цыпочки, Мариетта смотрела как зачарованная и увидела, как он вошел в не менее роскошный, но пустующий особняк напротив особняка семьи Стелл.

— Кажется, у нас появился новый сосед, — объявил за обедом Фредерик.

— Неужели? — спросила мать. Она провела рукой по уложенным в прическу волосам медового оттенка, словно новый сосед вот-вот появится на пороге. Синие глаза Иды Стелл были точно такими же, как у Мариетты, но сочетались с изящным носиком, острым подбородком и более светлыми волосами. На этом сходство заканчивалось, так как твердый подбородок, орлиный нос и волосы цвета воронова крыла Фредерик и Мариетта унаследовали от отца.

— Бывший врач, — продолжал Фредерик, — который стал изобретателем, как я слышал. Семьи у него никакой нет. Должно быть, он унаследовал значительное состояние, если приобрел весь особняк для себя одного, хотя его имя мне не знакомо. Оно довольно необычное: Дроссельмейер.

— Несомненно, он немец по происхождению, — сказал отец, встряхивая накрахмаленную салфетку и рас-

правляя ее на коленях. — Как интересно, у нас уже давно не появлялось новых знакомых на этой улице. Пригласим его к нам на обед как-нибудь вечером, чтобы самим на него посмотреть. Изобретатель, говоришь? В какой области лежат его таланты? Телефоны? Электричество? Среди нас появился еще один Маркони?

Фредерик вежливо кашлянул:

— В области игр для детей, кажется. Игрушки и прочее.

Теодор поставил на стол свой бокал шерри более резко, чем допускали правила приличия. Несколько кроваво-красных капель упало на кремовую скатерть. Он неодобрительно хмыкнул, кончики его ушей порозовели.

Мариетта переглянулась с Фредериком. Теодор Стелл не принадлежал к людям, считающим творческие занятия достойными уважения и увлекательными. Мариетта сжала в пальцах суповую ложку, этот знакомый спор все сильнее испытывал ее терпение каждый раз, когда возникал.

— Я отправлю приглашение, — сказала Ида, окинув взглядом столовую, она была рада любому предлогу пригласить гостя в их красивый дом. Она обвела глазами полосатые изумрудно-кремовые обои, большой стол и стулья красного дерева, натертые до блеска полы и большие букеты тепличных роз, стоящие в хрустальных вазах и наполняющие комнату слабым запахом увядания. — Мне еще надо будет послушать, что говорят о нем мои знакомые; я позабочусь, чтобы мы стали первыми, к кому он придет на обед. — Она нахмурилась, глядя на начинающий увядать лепесток.

Теодор неодобрительно фыркнул:

— Ты уверена, что это разумно? Может быть, сначала о нем должны сообщить нечто хорошее.

— Да, у меня тоже вызывает сомнение его выбор профессии. Тем не менее нам это не должно помешать, — возразила Ида. — Он вложил деньги в особняк в превосходном районе, а это позволяет предположить, что он из

хорошей семьи, — она быстро взглянула на Мариетту, потом снова перевела взгляд на мужа, — или у него большое наследство. Это надо будет разузнать.

Мариетта опустила глаза на сервировку стола, ей стало жарко в вечернем платье от Пакен¹ цвета бледного барвинка. Руки в пышных рукавах, отделанных тончайшим черным кружевом, которое так понравилось ей во время последнего визита на Рю-де-ла-Пэ, теперь невыносимо зачесались от намеков матери на замужество. Тогда Ида увлеченно тратила огромные деньги в дизайнерском Доме Уорта, а Мариетта незаметно улизнула в соседний бутик. Она полюбовалась искусно вышитыми на шелковом платье розами, потом купила его и пошла прогуляться, пока мать продолжала покупки. Эти полдня, свободные от общества матери, сделали ее счастливой, как и цветы, плывущие по улицам Парижа в ту весну, и внезапно ей остро захотелось снова очутиться в том безмятежном дне.

Ее сладкие воспоминания прервал вид пятнышка краски, такого неуместного среди фарфоровых тарелок и серебряных приборов. На запястье Фредерика виднелось пятно гуаши, вспышка яркой охры. Она метнула на него взгляд, и он дернул вниз рукав черного пиджака, чтобы скрыть предательское пятнышко.

— Скажи мне, Фредерик, чем ты в последнее время занимался? — Теодор жестом приказал долить бренди в свой бокал. Лакей повиновался, и он внимательно посмотрел на Фредерика поверх бокала с арманьяком.

— Боюсь, тем же, чем всегда, отец. Учеба оставляет мне очень мало времени на что-либо иное.

Ложь Фредерика льется так же гладко, как бренди, подумала Мариетта, делая глоток. Она смотрела на притворную улыбку Фредерика, которую он изобразил, ловко отвечая на расспросы отца. Только Мариетта знала о по-

¹ Жанна Пакен — французский модельер конца XIX — начала XX века.

лотнах, сложенных в комнате у Джеффри, ближайшего друга Фредерика и, как узнала Мариетта, когда брат доверил ей свой секрет, его тайного любовника.

Эксперименты Фредерика с новомодным течением фовизмом¹ выражались в более размашистых мазках кисти и использовании более ярких красок, чем она видела на его картинах прежде. «Такие художники, как Матисс и Деррен, взбудоражили весь мир искусства в Париже, — объяснил Фредерик Мариетте за несколько недель до этого. — Когда Луи Воксель² увидел их картины на Осеннем салоне в прошлом году, он объявил их дикими животными, «фовистами», из-за насыщенных красок, блеска, жизни. Запомни мои слова: живопись не может умереть, живопись — это будущее, и она живет в моей крови, как балет живет в твоей.

Родители считали, что Теодор погасил страсть Фредерика к живописи еще до того, как у него начал ломаться голос, а потом отправил его изучать юриспруденцию. Теперь он уже выпускник колледжа, идет по стопам отца, и ему предстоит вместе с Теодором председательствовать в судах Ноттингема.

Именно должность судьи верховного суда принесла Теодору «титул учтивости»³ барона, что очень понравилось юной Иде, женщине обеспеченной, но жаждавшей удовольствия слышать, как сестры обращаются к ней «достопочтенная». Этот брак устраивал и столь же честолюбивого Теодора, и с тех пор супружеская пара маневрировала, стараясь подняться еще выше по социальной

¹ Ф о в и з м — модернистское течение во французской живописи периода постимпрессионизма конца XIX (зачатки) — начала XX века.

² Художественный критик.

³ Титул, носимый по обычаю. Не дает юридических прав, предоставляемых титулом, например права быть членом палаты лордов.

лестнице. Дети оказались еще одним ценным активом, который они могли использовать для достижения этой цели.

Мариетта под столом вытянула вперед ступню, думая о том, не следовало ли ей попросить портниху укоротить платье, чтобы она могла в нем танцевать. Вышитые розочки точно подходили по цвету к ее пуантам.

Теодор повернулся к Мариетте:

— А как ты проводишь свои дни?

Сон наяву развеялся, осталась лишь неприятная реальность.

— Я... — Мысли ее шевелились медленно, липкие, как карамель.

— Обычная череда выездов за покупками и приглашений на ланч. — Фредерик пришел ей на помощь, воздев очи горе.

Мариетта улыбнулась ему, а он кивнул. Дополнительные занятия балетом, поглощающие ее время, остались невысказанной правдой.

— Я сейчас вспомнил: твоя мать мне говорила, что ты на прошлой неделе не сумела привлечь к себе внимание лорда Комптона во время вечернего чаепития, несмотря на ее усилия устроить вашу встречу.

Королевский суп из чеддера — и без того поданный на стол чуть теплым, чтобы не возникла необходимость неприлично дуть на него, чтобы остудить, — комком застрял в горле Мариетты. Она сделала глоток бренди, пытаясь справиться с собой. И заговорила более уверенным голосом.

— Чарльз Комптон ужасно скучный и грубый. — Собственно говоря, он во время чаепития в недавно открытом ресторане «Рица» только и расхваливал гнедого чистокровного жеребца, которого ему должны привезти из Аргентины. Мариетта узнала гораздо больше, чем ей бы хотелось, о лошадях для игры в поло и не вставила в разговор почти ни одного слова. Однако успела заме-

тить, что необычайно крупные зубы придают собеседнику некоторое сходство с его любимым жеребцом. Это не может служить доводом в пользу брака с ним. В отличие от нее, Ида провела несколько приятных часов за вином в компании герцогини, обсуждая приятельниц и декор Палм-Корта, выдержанный в нежном абрикосовом цвете, зеркальные стены которого тысячекратно отражали сверкающие люстры.

Ноздри Теодора раздулись.

— Позволь мне напомнить тебе, что лорд Комптон является маркизом Нортхэмптонским. В следующий раз, когда тебе придет в голову оскорбить пэра Англии, ты должна вспомнить, что с моей стороны было неслыханной щедростью позволить тебе танцевать ваш балет в нашем бальном зале. Тебе давно пора проявить немного благодарности. Я пригласил лорда Комптона и несколько других потенциальных женихов на наш рождественский бал в надежде, что они сочтут твое мастерство в танце подходящим умением для будущей супруги. Возможно, это даже ускорит заключение брака.

Мариетта спокойно смотрела на отца поверх хрустального бокала.

— Дорогая, в твоем возрасте просто не подобает быть незамужней, — прибавила Ида. — Когда мне было двадцать, я уже три года как была замужем. — Она сделала паузу. — Возможно, лорд Комптон даст тебе второй шанс.

Фредерик откашлялся прежде, чем она успела ответить.

— Отец, что ты думаешь насчет этого нового линкора? Говорят, что королевский дредноут произведет революцию на нашем военном флоте.

Суп унесли и принесли следующее блюдо, слуги растворились в полумраке у стен, подобно вечно присутствующим теням. Мариетта не принимала участия в разговорах отца с братом о политике, она была благодарна Фредерику за то, что он перехватил нить беседы прежде,

чем она успела сказать что-то необдуманное. Разговор с отцом был тактическим искусством, напоминающим игру в шахматы; он требовал четкой стратегии и сосредоточенности.

Она положила серебряную вилку, от запаха теста и жирной подливки скрутило желудок. Глядя в окно, она представила себе, что отражение свечи в темном стекле — это звезда, которой можно загадать желание. Во время танца она становилась волшебницей, пишущей заклинания вращениями и изгибами тела. Танец принадлежал только ей, ей одной, он не был средством соблазнить мужчину или оружием в руках отца, направленным против нее. В танце она летала на прозрачных крыльях, которые уносили ее вверх, прочь от тянущей к земле тяжести ожиданий ее родителей. Он манил ее видением другого пути, не того, по которому ее заставляли идти. Когда она танцевала, она обретала голос. И ничто не пугало ее больше, чем молчаливое будущее.

ГЛАВА

2

Хотя настоящий вечер еще не наступил, но на город уже опустилась черная, плотная тьма. Уличные фонари светили сквозь потоки дождя подобно линии маяков, следуя которым кони везли Мариетту на занятия балетом в семейной карете. Высоко в небе гремел гром, кафе сияли огнями и обещали тепло прохожим, вбегающим в их двери.

Сидящая рядом с Мариеттой мисс Уортерс поджала губы.

— Шататься по городу в такую ужасную погоду! Но все-таки мы можем разумно потратить время. Давайте обойдем намеченные места вашей следующей встречи с лордом Комптоном. Ваша мать уже составила список.

Мариетта отвернулась к окну кареты.

— Мне не хочется.

Они проезжали мимо Старой рыночной площади, где шла оживленная подготовка к ежегодному Рождественскому базару, стояли большие открытые ящики, в которых виднелись коробки с имбирными пряниками и стеклянными шариками. Мариетта надеялась, что дождь перейдет в снег к моменту торжественного открытия базара. Она услышала, как мисс Уортерс неодобрительно фыркнула, и ждала неизбежного выговора. Ее бывшую